

Светлой памяти Андрея Григорьевича Здравомыслова

Если бы не горе от утраты, я мог бы спокойно сказать: прекрасная жизнь – прекрасная смерть!

А. Г. Здравомыслов был настоящий ученый и настоящий боец. Многие, наверное, и я в том числе, лишь около года назад, празднуя его юбилей, узнали, сколько бед он перенес, сколько опасностей преодолел или счастливо избежал. Он не сдавался, он продолжал работать. Мы познакомились с ним чуть более десяти лет назад, по его инициативе. Это вообще редко бывает в науке – при таком различии возраста и ранга. Тем более мой скепсис относительно современного состояния социологии скорее должен был его насторожить и оттолкнуть. Но случилось по-другому. Мы нашли общий язык, и это была в первую очередь его заслуга. Все эти годы общение с ним было для меня важным и уникальным опытом. Он обладал даром теоретического любопытства: редким и драгоценным. Он понимал значение поколений в науке и ценил то, что создается более молодыми, хотя не отказывался от собственного видения основных задач социологии и работал так, как считал правильным, не пытаясь подстроиться под модные тенденции. Много я воспринимал бы сейчас по-другому, если бы не наши встречи и разговоры. Последний раз мы виделись на заседании диссертационного совета в ГУ-ВШЭ. Воспользовавшись первым же перерывом, он подошел ко мне, затеял весьма специальный научный разговор и мы договорились обменяться источниками. Выглядел он прекрасно. Этот разговор состоялся около недели назад. Он позвонил практически уже ночью, чтобы срочно обсудить один теоретический вопрос: полчаса со мной и еще полчаса со Светланой Баньковской, чью теоретическую позицию он также хотел непременно выяснить. После разговора мы обменялись с ней впечатлениями: «какая хорошая у него речь, судя по всему, он вполне оправился от болезни! Ясность мысли, энергия – все как всегда!». Трудно представить себе, что этот разговор был последний.

Очень редко обычные при внезапной кончине слова прощания бывают вполне уместны, тем более, когда речь идет о пожилом ученом. Но именно в случае Андрея Григорьевича мы можем сказать, что ушел он полным сил, замыслов, творческих планов. Всем, кто знал и ценил его, это кажется ужасно несправедливым. Я склоняю голову и обещаю помнить.

Александр Филиппов

Андрей Григорьевич Здравомыслов для моего поколения социологов – это, прежде всего, учитель. Уже потом – «классик», «отец-основатель», «образец» и т.п. советской социологии. Первая встреча с учителем состоялась через книги. В моем случае, не через каноническую «Человек и его работа», но как раз через философскую, методологическую «Проблема интереса в социологической теории». Первое впечатление-потрясение: «Наконец-то нашелся человек, который может логично, теоретически грамотно и вразумительно рассуждать на тему о соотношении социологической теории, истмата и социальной философии в целом». С этих пор А.Г.Здравомыслов – в числе авторов, работы которых следует отслеживать и читать, о чем бы они ни писали.

В конце 70-х, когда социология в СССР институционализировалась уже до такой степени, что была возможна в качестве специализации на философском факультете, студенты этого «первого созыва» (к числу которых я и принадлежу), конечно же, с пристрастием приглядывались к «отцам-основателям», в контексте официальной социальной науки прислушивались к их мнениям как к чему-то «особенному», «социологическому». И мнение А.Г. Здравомыслова всегда было тем, которое следовало знать любому грамотному начинающему социологу.

К тому же, «если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря», – в прибалтийских госуниверситетах всегда различали начало собственно «советской социологии» и социологии в СССР (которая, как нас тогда учили, впервые была институционализована с появлением социологической лаборатории в Тарту в 1966 г.), равно как и «советских социологов» и собственно социологов. Однако, был и такой, довольно тонкий, слой ученых-обществоведов, которых можно было считать и основоположниками «советской социологии» как идеологизированной науки, и зачинателями того рода обществоведения, благодаря которому XXI век провозглашался энтузиастами «веком социальных наук». Андрей Григорьевич был для нас в числе как раз таких ученых. С ним связывались перспективы развития и воплощения в жизнь всего нового в социальных науках, благодаря таким как он идея социальной науки имела шанс совместиться с праксисом.

Личное знакомство, через много лет, уже в Москве, безусловно, скорректировало книжное впечатление. Андрей Григорьевич оказался на редкость внимательным, заинтересованным и, что самое удивительное для «классика», самоироничным собеседником; одним из тех немногих, с кем можно было без стеснения, совершенно свободно, обсуждать самые «гипотетические» идеи, а рассуждения на самые абстрактные темы превращались в увлекательный диалог. Можно быть только благодарным судьбе за этот опыт в интеллектуальной биографии и за то, что он нашел воплощение пусть и в немногих фрагментах совместной работы: публикации в книгах, инициированных проектами Андрея Григорьевича, – важный творческий результат для каждого, кому посчастливилось с ним работать.

Но не менее верно и то, что Андрей Григорьевич – один из, вероятно, немногих наших социологов, кто оставил по себе не только ценные книги и результаты своей многолетней работы, но и добрую память в сердцах тех, кто его знал. Результаты, конечно же, останутся с нами, но все же нам будет не хватать Андрея Григорьевича – учителя, товарища, мудрого и великодушного человека.

Светлана Баньковская